

[Оглавление](#)

Лидия Волконская

Прощай, Россия!

(Моя жизнь)

Глава 2. Ромейки - наши Ромейки!

- Ну что, "juz skonczila", - приветливо и радостно встретил меня мой милый папа.

В словах "juz skonczila" была ласковая ирония. Эту фразу папа услышал раз от одного польского пана, дочь которого, окончив школу, сидела ничего не делая дома, в ожидании женихов. Папа часто, говоря о девицах, с добродушной улыбкой вспоминал эти слова.

Несмотря на то, что семья наша была большая, я, как и всегда, стала проводить большую часть времени одна. Маша в мое отсутствие умерла, Леля и Маруся, хотя и перешли уже в средние классы Мариинского, но будучи моложе меня, держались вместе.

Володя как-то отошел от меня, и понятно: у него было гораздо больше общего с нашими двумя кузенами, часто гостившими в Ромейках летом. Все трое были в последних классах гимназии и гордились пробивающимся на верхних губах пушком. Ко мне относились снисходительным пренебрежением, порою подразнивали придираясь

У меня же были свои чисто интимного характера неприятности. В Мариинском я привыкла и почти срослась с нашим строгим форменным платьем, в котором вся фигура была скрыта. В летних же легких платьях, как мне казалось коротеньких с такими же рукавчиками и с большим декольте, я чувствовала себя полураздетой и очень конфузилась.

-Леля, посмотри, пожалуйста, ничего не видно в разрезе моего декольте? - спрашивала я свою сестренку смущенно.

- Нет, ничего не видно, - отвечала она.

- Ну хорошо, а как наклонюсь?

- Да нет же, тоже ничего не видно.

"Все равно шея, руки, ноги - все голое и платье так сшито, что тело обрисовывается. А хуже всего эти противные мальчишки (кузены), все замечают. Терпеть их не могу" - думала я, чуть не плача и сутулясь.

По старой памяти Володя иногда предлагал мне какое-либо развлечение.

- Лида, не хочешь ли поехать с нами на вечерний лет диких уток в Островище? Одевайся только плотнее, а то комары съедят. Их там тучи! Отгонять нельзя, а то уток разгонишь. Ну собирайся скорее. И так уже поздно.

В Островище меня оставили на берегу большого, расположенного в лесу болота. Кузены ушли куда-то дальше, а Володя залез в ближайшие кусты, чуть не по пояс в воду и замер

с ружьем наготове. Все затихло кругом - травка не шелохнет. Над болотом, вытянув длинные шеи, стали часто пролетать стаи диких уток. То там, то сям слышались всплески воды, когда они с разгону на нее опускались. Порой, как бы испугавшись, захлопав крыльями и возмутив воду, они срывались вверх.

Володя бил в лет почти без промаху. Возьмет на мушку, ведет, ведет... Трах!... тах!... тах! - раскатисто отзовется выстрел в лесу. В первую минуту кажется, что не попал. Утки летят дальше. Но вот у одной брюшко обернулось белым и в следующий момент она камнем падает вниз.

Солнце село за ольховый лес, что на краю болота, но темнеющему небу, уже в одиночку, проносились запоздавшие утки.

- Ну что, не правда ли интересно, - сказал Володя, вылезая из кустов и промокшим платком, вытирая грязь и капельки крови, выступившие на его лице и шее от укусов комаров.

- Очень, - соглашалась я, чтобы его не разочаровывать.

Другим удовольствием Володи и кузенов, мне уже совершенно непонятным, было ездить с кучерами и парубками купать на речку лошадей. Соберутся целым отрядом, верхом на лошадях, и едут с пением военных казацких песен:

"Ей ну-те хлопцы,

Славны молодцы,

Чего смутны, не веселы,

Чи в вашей чаре нема горилки,

Чи пива-меду не стало"...

"Вот же смешные мальчишки, и как им не стыдно. Слово дети в игру забавляются", удивлялась я.

Маме тоже было не до меня. Она очень уставала, занятая младшими детьми.

- Лида, и что это такое? - испуганно глядя на меня, спрашивала мама, - вот уже несколько раз мне снится все один и тот же сон: мужики, все мужики. Огромные, страшные их толпы, куда-то бегут, кричат, плачут - с топорами, вилами, косами - не на меня; а все равно, это так жутко, так страшно. А на другой стороне речки стоят обугленные, как после пожара, хаты. Деревья тоже обгорелые; они как вилы торчат к небу. Все черное, - и заборы, и ворота и земля и даже травы, все, все превратилось в уголь.

Я очень любила Ромейки: скромную, незаметную красоту их нежной и грустной природы. Любила бродить по знакомым местам. На мостик, у которого разросшиеся вербы прячут под своими ветвями тихий ручеек. К плетущейся робко между травой и кустам речушке, где на берегу раскинулись широкие дубы, к заснувшему в конце сада пруду, покрытому скользко-блестящими листьями желтых кувшинок.

Там вечерами начинались хоры лягушек. Сначала послышится их неуверенный скрежет, как проба скрипок перед началом концерта. Им сразу же ответят с небольшого прудика,

что за домом. Потом дружно и звонко откликнутся от речки, и вскоре со всех сторон, ближних и дальних, зазвучат их миллиардные хоры, отзываясь чуть слышно, как нежное эхо, из далеких, далеких пространств. И кажется что не лягушки, а вся окрестность, весь воздух поет, звенит, перекликается, то расходясь, то сливаясь в одну общую, взывающую к Богу, молитву. Розовый вечер, как бы их слушая, тихо угасает и только отяжелевшие от росы, ветки белой акации отвечают им своим благоуханием.

Ромейки, наши Ромейки! Кто поймет вас как мы, кто полюбит как мы. Нигде небо не так близко, нигде не обнимет оно так любовно землю, как там. Нигде солнце не греет и не светит так ласково.

Но не все любили Ромейки. Вера, дочь нашего управляющего Неревича, ненавидела их. Это было до некоторой степени понятно.

В семье Неревича было восемь человек детей. Трем сыновьям он дал среднее образование, а его пяти дочерям только низшее. Одна Вера, самая старшая, была года четыре в каком-то пансионе и очень гордилась полученным там образованием. После того как она стала "juz skopczila", жизнь ее в Ромейках свелась к неустанному уходу за детьми и помощи матери по хозяйству. Хозяйство у них было большое, прислуга только одна, и Вера, работая, не заметила как прошли первые годы ее молодости. За все это время она не встретила ни одного молодого человека, который мог бы быть подходящим ей женихом. Семья Неревича никогда и никуда не выезжала и к ним никто не приезжал. Вере было уже под тридцать лет и, чувствуя себя глубоко несчастной, она во всем обвиняла Ромейки.

- И есть ли где на свете такая дыра, такая глушь, такое застоялое болото, как Ромейки и не с горя же они и мор никакой на них не найдет! Боже! Хоть провалились бы они сквозь землю!... - в отчаянии и слезах говорила Вера.

Несмотря на разницу в образовании и в положении материальном и социальном, семью Неревича связывала с нами долготелая и искренняя дружба. Жили они во флигеле, точной, но уменьшенной, копии нашего большого дома, и вблизи от него.

Жена Неревича Александра Степановна - "управляющая" - как мы ее называли, - маленькая, кругленькая, с выпуклым, как в беременности, животом, с вздернутым кончиком носа и бородавкой около него, была нрава веселого, на язык бойкая, но добродушная и очень откровенная женщина. Замечательная хозяйка, она держала свое хозяйство и дом в порядке и чистоте, а семью и мужа в повиновении и дисциплине.

- Сымусь мой, - простодушно сообщала она нам, - такой хитрый, такой вун и пройдоха, что его в ступе толкачом не поймаешь, как вьюн выкрутится!

Иногда, когда ее мужу случалось заглядеться на какую-либо деревенскую красавицу, она, вооружившись этим толкачом или же кочергой, гонялась за ним, чтобы поучить.

- Я ему покажу, я его научу как за девками шляться! - звонко доносилось из открытых дверей из дома, из которого только что выскочил, как ошпаренный, наш управляющий, направляясь не прямо по дорожке мимо нашего дома, как всегда, а ныряя, и прячась за кустами в сад.

Управляющий наш Семен Гаврилович был среднего роста с окладистой русой бородой и хитро смеющимися глазами. Он всегда старался смотреть прямо на собеседника, но глаза его не слушались и скользили, прячась по сторонам, как бы говоря - "ты нам рассказывай, рассказывай, что хочешь, а мы свое дело знаем и свой интерес блюдем. Нас не проведешь, и мы отлично видим, что за твоими словами скрывается".

Поступил он на службу к папе скоро после того, как мы переехали в Ромейки.

Образования он был небольшого: четырехклассная средняя школа. Сельское хозяйство он знал мало и папа сам учил его. Каждый вечер систематически управляющий приходил к нам, садился против папы и, наклонив на бок голову и попивая чай, почтительно слушал указания и распоряжения папы.

Составлялся план работы на следующий день, обсуждались текущие ромейские дела, потом переходили на новости и газеты, на политические и посторонние темы. Не было случая, чтобы Неревич пропустил хоть бы один вечер. К папе он относился с большим уважением и был искренно предан не только ему, но и всей нашей семье. Обязанности свои он исполнял добросовестно и вообще был не глупый и деловой человек. С течением времени папа постепенно передал ему почти все дела. А дел было не мало особенно с мужиками, так как интересы имения постоянно сталкивались с интересами крестьян.

Одной из самых главных причин этих столкновений с крестьянами была "чересполосица", то есть земли имения чередовались с землей крестьян. Их поляны находились среди помещичьего леса. И везде по границам мужики каждый год систематически запахивали дальше, вырубая понемногу деревья, так что поляны их разрастались, иногда вдвое, против их первоначальных размеров.

Вторую тоже очень неприятную причину столкновений служили так называемые "сервитуты". Это было право пастбы крестьянского скота на некоторых участках помещичьей земли. Понятно что мужики не довольствовались этим и загоняли их скот на недозволенные участки, порою на сенокосы, на посадки в лесу, чем приносили много вреда. Со всем этим, а также с порубками и кражами в лесу, приходилось постоянно бороться, подавая на крестьян в суд. А суды были в то время очень либерального направления.

- Знаете, Семен Гаврилович, что мне сказали сегодня на суде, - рассказывал, однажды вернувшись оттуда, папа. - "Вы, - говорят - богатый помещик. У вас тысячи дубов этих, а вы подаете на бедного мужичка в суд за то, что он срубил у вас одно дерево. Как вам не совестно".

- А? Что вы на это скажете!... Они думают, для меня это большое удовольствие судиться, а мне больше, чем этому мужику неприятно.

- Удивительно, - говорил управляющий, - они же люди ученые, должны понимать, что мужиков-то тоже тысячи, не обороняйся, то со всех деревень съедутся, в одну неделю лес разнесут...

- Вот видите, видите, это же само собой понятно и объяснять нечего. Вообще терпеть не могу оправдываться, защищаться, будто бы я что-то несправедливое, плохое, делаю, - говорил волнуясь папа.

- Вас послушавши, то выходит, что там не мужиков-воров судят, а вас Александр Рафаилович, - вы эдак с вашей деликатностью далеко не уйдете, - покачивая участливо головой, говорил Неревич.

- Не знаю, не знаю, что эти чиновники-бюрократы хотят от нас помещиков. Сидят у себя в кабинетах и, не имея никакого представления о положении вещей на местах, выдумывают всякие постановления и правила, неприменимые к жизни. По моему, так жизнь сама по мере надобностей вырабатывает их. Надо только дать ей свободно и естественно развиваться, и она найдет, как река, самые верные и лучшие пути. А они только и делают, что загораживают и направляют эту реку жизни в обратную ей невозможную сторону. Я такой же служащий в имении, как они в их учреждениях.

Имение - это фабрика продуктов питания и моя прямая обязанность, мой долг, смотреть,

чтобы дело шло и развивалось, а не уничтожать его, - с чувством обиды заканчивал папа.

- Вы их, Александр Рафаилович, не переделаете. А в суд давайте-ка я в следующий раз поеду. Авось у меня лучше пойдет, - предложил управляющий.

- Пожалуйста, я рад буду избавиться от всего этого, - согласился папа.

Хотя и управляющий тоже иногда проигрывал, но у него дела в суде пошли все же лучше. Папа же с тех пор никогда больше туда не ездил.

Мужики ромейские были отсталые, большей частью неграмотные. Как и везде, среди них были богатые, были и бедные. Своего, можно сказать, древнего уклада жизни и обычаев ромейцы не меняли. "Як деды и батьки мои жили и робили, так и я буду" - это было их нерушимым правилом. Мораль была очень строгая. Женились они рано, редко по своему выбору, а по воле родителей. Вот пример: в один год, скоро после пасхи исчез наш ночной сторож Антон, приходивший на службу из деревни.

Парень был он красивый, высокий, широкоплечий, чернобровый.

- Где это ты пропадал, Антон, и что с тобой такое, спросила его мама, когда недели через две-три, он опять появился, похудевший, сгорбленный.

- Ах, барыня, загубили меня мои батьки, совсем загубили. Оженили с девкою с чужого села. Недаром не хотели наперед сказать з якою. Первый раз забачил ее в церкви под венцом. Такая гидкая, такая гидкая, что тошно глядеть на нее: морда рябая от оспы, рот скривленный, очи заплющенны. Противно было и спать идти с нею. Утек! Але что ж, походил, походил, да и вернулся. Тут и хата моя, и хозяйство и волю - як оставишь? Не мыкаться же век по белу свету самому, - опустил низко голову и покорясь судьбе, говорил Антон.

Женили же его на ней потому, что была она хорошая работница, хозяйка и из богатой семьи.

По укладу жизни ромейцев, вся ее тяжесть падала, главным образом, на женщину.

Помимо обязанностей жены, матери, хозяйки дома, она должна была смотреть за домашними животными, птицами, садить огород, работать почти наравне с мужем в поле, а в довершение всего, собственноручно одевать семью.

Целую зиму задолго до рассвета, когда по деревне перекликались первые петухи, из всех окошек падал на запорошенную снегом улицу колеблющийся свет в горящих в хатах лучин. При их неверном свете жужжали веретена и хозяйки пряли нескончаемые нити из ими же заготовленного льна и овечьей шерсти. Под весну, в Великом Посту, они ткали на примитивных станках полотна. Потом шили рубашки, причем в женских богато вышивали рукава, а в мужских воротники и манжеты. В каждой семье были большие запасы этих рубах, часто переходивших их поколения в поколение.

Вся самодельная одежда наших мужиков была нигде невиданного фасона. Свитки из белого или серого сукна, украшались по швам красной тесьмой и перевязывались красным кушаком. Зимой большинство ходило в кожихах и сапогах, а летом в лаптях.

Бабы носили на головах сложные сооружения вроде чалмы. Показаться бабе с непокрытой головой было несмываемым позором.

Каждый год для рабочих из села и дворовых у нас устраивались дожинки. Вечером того дня, когда с полей снимали последние рожь и пшеницу, перед крыльцом нашего дома устанавливались столы с закусками: солеными огурцами, холодным мясом, салом, творогом, хлебом. С винокурного завода привозили две огромные бочки неочищенного, пахнущего сивухой девяностоградусного спирта и помещали их у конца стола.

С крыльца нашего дома можно было видеть как приближались из далека к усадьбе в розовой пыли, поднятой топотом многочисленных ног, большая толпа рабочих. Впереди, потупя глаза, шла в венке из колосьев ржи, пшеницы и полевых цветов самая красивая и успешная в работе девка.

- "Ой, дожинки паноньку, дожинки,

Дай же нам и паноньку горилки.

Мы дожали твоего житонька в Божий час,

А теперо, паноньку, частуй нас"...

- звонко и протяжно разносилась по полям эта песня, составленная Ромейками специально для дожинок.

Мы с папой и управляющими выходили на крыльцо их встречать. Папа снимал с головы девицы венки, смущенно целовал ее в лоб, давал золотую пятирублевку, благодарил всех за работу и уносил венки в дом. Неревич стоя у бочек, начинал наливать в стаканы спирт и подавать их подходящим рабочим. Притворно морщась и побрякивая, они тут же опорожнялись. Закусив у столов, опять подходили, и опять - сколько кто мог и хотел. Некоторые женщины, смеясь и стыдливо прикрывая рот рукавами рубашек, тоже подходили.

Начинала играть музыка: со всей силы колотили в барабан и две скрипки, визжа и скрипя, следовали ему. Подвыпив, начинали танцевать... Бабы и девки бегали парами в круг, напевая и подпрыгивая в такт музыке и также в такт подпрыгивали и хлюпали под рубашками их, ничем не стянутые, груди.

После них на расчищенном кругу танцевали в присядку казачка более ловкие парни. Становилось весело, слышался смех и визг баб. А так как русскому человеку, подвыпивши, хочется развернуться и показать свою силушку и волюшку, то в ход часто пускались кулаки. Такими кулачными угощениями некоторые парни иногда заканчивали дожинки.

Обыкновенно, посмотрев немного, как все из нас, я уходила на другую сторону дома и, сев на ступеньки веранды, смотрела с грустью на потухавшее за дальним лесом небо. Мимо пробежала, раскрасневшись, Настка горничная. Увидев меня, заколебавшись вернулась.

- Барышня, что я вам скажу. Только никому не говорите. Боже сохрани, а то, как паньч узнает, поколотит меня.

- Что такое? - с любопытством спросила я.

- Я бачила, на собственные очи бачила. Вот теперечко! Як паньчи Володя и Андрюша тискали и целовали за ганком Одарку (девку принесшую венки), она бесстыжая, только смеется.

- Что ты врешь, Настка, подвыпила там на дожинках, так тебе и померещилось, - сказала я.

- До что вы, барышня, я подвыпила! Один только килишек, чуть пригубила. Не хотите, не

верьте. Але ж я, ей Богу, правду говорю, - твердила убегая Настка.
"Вот тебе раз", удивлялась я, "хороши же, хороши! Все-таки, такого я никак не ожидала, и это Володя, Володя! Так вот какие у них секреты".

Скоро, однако, у меня с Верой и Анютой, ее младшей сестрой, тоже завелись секреты. Мы втроем часто вечерами ходили гулять, стараясь удрать от осаждавших нас младших братьев и сестер. От Лели только никак нельзя было отделаться, выскочит всегда в последний момент откуда-то и прицепится хвостиком сзади.

Чаще всего мы ходили по большой дороге. Была какая-то затаенная надежда, а вдруг кто-то проедет, кого-то увидим, а может и "он", этот таинственный, суженный "он" прискачет, Бог весть откуда взявшись на вороном коне... Но, увы никогда и никого мы не встречали.

А вместо "него", мимо проползет, разве какая-либо телега с дремлющим или спящим на дне ее мужиком, которую, еле-еле передвигая ногами, тащит пара, запряженных в ярмо волов. Они точно колеблются в недоумении: стоит ли им сделать следующий шаг, или лучше вообще остановиться. Но, очевидно, решив, что назойливые мухи, липнувшие около глаз и у хвоста, не дадут им покоя, продолжают медленно продвигаться вперед, слегка покачивая своими изогнутыми рогами.

Чтобы выбраться из поднятой ими пыли, мы быстро минуем их; и опять пустая дорога, по сторонам ее канавы поросшие травой и мелким кустарником, за ними поля, то темно зеленого картофеля, то ржи или пшеницы, то белые, жужжащие пчелами, поля гречихи. Вперемешку с ними небольшие перелески, а в отдалении купола деревьев и тополя нашей ромейской усадьбы.

Однажды, когда при закате солнца мы вышли из опушки леса, куда всегда заходили, в том месте, где дорога подходила к речке, мы услышали с противоположного ее берега какие-то возгласы и кто-то махал нам платками.

- Что это такое, кто это может быть? Ах, Боже мой, это какие-то молодые люди. Что делать? Бежать... Куда? Вперед, назад? Да не бойтесь они далеко за речкой, нас не догонят! - В смятении от такого небывалого происшествия, перебрисывались мы догадками и опасениями.

- Анюта, не смотри, не смотри в ту сторону... А то они подумают, что мы... - начала я.

- Я обернусь, как бы к тебе, и посмотрю, - прервала Вера.

- Их там трое, - продолжала она шепотом, хотя шепота совсем и не нужно было, - два гимназиста, а один в голубой студенческой рубашке! Они что-то хотят нам сказать.

- Может какие проезжие, завтра их здесь уже наверное не будет, - сказала, подавляя вздох, Анюта.

- Да нет, проезжие были бы здесь на дороге, а не на той стороне. Идем себе спокойно. Не обращайтесь внимания, - сказала я, продолжая идти.

Гордо, как гусыни, устремив глаза на заходящее за Ромейками солнце, мы, словно не замечая их и не слыша, прошли мимо.

Весь следующий день мы были как в лихорадке: бегали, таинственно перешептывались, строили планы и предположения, а вечером, точно в то же самое время были там же и с большой радостью увидели, что наши незнакомцы поджидали нас и опять махали платками и что-то кричали.

Как и вчера мы важно, не обращая на них внимания, проследовали мимо. Так продолжалось несколько вечеров. Мы выряджались в малороссийские костюмы с лентами, бусами и, красуясь, проходили мимо, ничем не отвечая на приветствия и призывы молодых людей.

- Извините, пожалуйста, что мы позволили себе вступить на вашу территорию, - услышали мы голос, появившегося из-за кустов студента, когда вошли на опушку леса.

Самоуверенность, с которой он выступил, объяснялась его весьма привлекательной наружностью. Поглядывая на нас с нескрываемым любопытством, он продолжал:

- Мы так много раз уже виделись, что, право, пора нам и познакомиться. Это вот мои кузены, - представил нам он гимназистов, которые по сравнению с ним, показались нам серыми и мало интересными.

- Я гощу у них. Отец их взял в аренду Спорыни (небольшое имение по ту сторону речки). Целый месяц мы здесь и не встретили ни одной живой души. Скука невообразимая! - закончил он в свое оправдание.

Мы вполне с этим согласились и, чтобы скуку прогнать, стали встречаться с ними каждый вечер. Это внесло столько разнообразия, интереса и веселия в нашу жизнь, что как бы живою водою нас вспырынуло. Вера и та бегала, смеялась, пела. Некоторое время мы хранили наши свидания в тайне, что казалось нам, хоть и запретным, но и чем то более интересным. Конечно, скоро у нас дома узнали об этом нашем знакомстве и предложили пригласить наших кавалеров в Ромейки.

Первый раз в Ромейках собралось много шумной, веселой молодежи. Мы играли в крокет, бегали в горелки, и ездили за грибами. Студент, к разочарованию бедной Веры, пробовал ухаживать за мной. Но я своею застенчивостью отстраняла все его попытки к какому-то сближению. Только раза два согласилась поехать с ним покататься верхом. Незаметно подошла осень. Улетели журавли, разъехалась молодежь. Над поредевшим садом потянулись низкие тучи. На дороге, взбухшей от грязи, лужи и прорезы колес наполнились тяжелой, как свинец, водой. Под ним все серо, все мокро, все гниет. Никуда не выйти, никуда носа не показать. Тоска. Я ведь "juz skonczila". Детвора дерется, пристает ко мне. Мама сердится.

Папа уехал в Киев по делам. Наконец вернулся. К чаю вышел помолодевший, освеженный, с подстриженной бородой. В доме как-то посветлело, повеселело. Привез всем подарки.

- Ну, что ты нос повесила? - сказал мне весело, позвав в свою комнату.

- Посмотри, что я тебе привез, - и стал медленно развязывать узелки шнурка вокруг большого пакета. Он всегда делал это очень аккуратно, а потом шнурок свертывал в колечко и клал себе в стол.

- Папа, вот ножницы, скорее будет.

- Зачем же резать, шнурок хороший, пригодится, - отстранил папа мое нетерпеливое предложение. В пакете оказался ящик с масляными красками. Ничего лучше папа выдумать не мог. Впрочем он всегда знал кому и что привезти.

- Ну, вот, теперь тебе будет чем заняться. Хотя, собственно говоря, я не думаю, что ты "juz skonczila", - а?

- Не знаю, - неопределенно ответила я.

- Тетя Нюня и дядя Валера, - продолжал папа, - приглашают тебя к ним. Я условился, что ты будешь жить у них, пока не окончишь курсы или, если хочешь, что другое.

- О! - только и могла я выронить, захлебнувшись от радости.

Мы с папой и Володей уже раза два-три гостили у папиного брата дяди Валеры во время прежних каникул.

Дядя Валера был миллионер. Образ жизни в семье его представлялся мне, чем-то вроде волшебной сказки, состоящей из сплошного ряда удовольствий и развлечений.

- Ну, Лидон, так как же? Университет? - прервал папа мои, быстро мелькавшие мысли.

- А? Да, да... Конечно, - рассеяно пробормотала я.

- Что, не знаешь какой факультет? Это надо подумать... Может медицина? - вопросительно глянув на меня, спросил папа.

- Медицина... - повторила я машинально. И опять мысли завертелись: "резать трупы? - ни за что, ни за что. Математика? - вспомнила Алгебру. История? - как захлопнула книжку после экзаменов, так все из головы и выскочило. Русский, Филология? - а потом что? Учительница. Это я-то? С моим застенчивым характером. Да они, эти ученики или ученицы кончат, съедят меня. Нет... Да и какой, кроме того, из меня ученый. Умом большим, кажись не блещу" - растерянно перебирала я в голове всякие возможности, пока папа, что-то перекладывая на письменном столе.

- А, это вот программа школы Императорской Академии Художеств, отделение которой находится в Киеве, - сказал папа, вытаскивая то, что искал и, глядя на меня как-то неуверенно.

- В Киеве есть такая школа? Вот хорошо... Ах, как это интересно! - воскликнула я, обрадовавшись.

Папа ничего не сказал, а только посмотрел на меня, и я увидела, что и он так думает.

Только, будучи не материалистом, он всегда старался быть или хотя бы казаться таковым. Избрать себе же профессией чистое искусство было всегда и везде невыгодным. И все же, обменявшись несколькими соображениями и, посоветовавшись, мы остановились на последнем.

Мысль, что я буду жить в семье дяди Валеры, и радовала, и волновала меня... Мне вспомнилась роскошная обстановка и в его домах и в его имениях, расположенных вдоль и недалеко от Днепра. Даже сами поездки туда пароходом казались мне чем-то волшебным.

Вечером, наглядевшись вдоволь на отдалявшийся за кормой парохода Киев и проводив глазами монастырь Межигорья, мы спускались вниз в нашу отдельную, первого класса каюту. Никогда и нигде не ели мы такого вкусного ужина как там.

А ночью так сладко спалось под шум успокоительно воркующей за бортом воды. На рассвете, ежась от утренней прохлады, спускались по шаткому мостику на мокрые доски пристани, и нельзя было не оглянуться на Днепр. Он, словно просыпаясь все еще кутался в редяющий туман и сердито ворчал, ударяясь об берег; но дальше, позади разбудившего его парохода, он разливался привольно и светло, а потом, извиваясь и поблескивая, как Змей Горыныч, серебряной чешуею своего хвоста, уходил далеко в невиданную даль.

А как интересно было подъезжать в первый раз к незнакомым усадьбам дядиных имений.

В одной из них, Остроглядах, где мы провели большую половину наших летних каникул,

стоял, построенный каким-то известным архитектором, чуть ли не Растрелли, большой дом.

Он был весь белый с высокими колоннами у подъезда. На них держался, обнесенный балюстрадой, балкон, не который выходило огромное, во всю стену, полукруглое окно. Такое же окно с балконом было и на другой стороне дома, а под ним роскошная полукруглая веранда. Два веера белых ступенек спускались по сторонам в ее парк. Вся композиция была построена на полукругах. Внутри дома паркетные полы были уложены из натурального и черного дуба и красного дерева в виде ковров. Лепные потолки и барельефы, изображавшие фрукты и цветы в столовой, а розы и амурсы в спальне, были художественно тонко раскрашены.

Несмотря на всю красоту дома, семья дяди Валеры почти никогда в нем не жила. А жил там, кроме иногда приезжавших гостей, младший брат дяди Валеры и папы. Прокутив в молодости свою часть наследства, и женившись на гувернантке, он поселился в этом доме и служил у дяди Валеры в качестве управляющего.

Приехав в Киев и собираясь к дяде Валере, я одела свою новую шляпу. Эту шляпу я купила еще весной, когда оканчивала Мариинское. Тогда нам выпускным разрешили выйти с классной дамой в город, чтобы выбрать кое-что из одежды "по своему вкусу", как мы говорили. В магазине шляп нам показали бывшие тогда в моде небольшие, черные шляпки.

- Фу, посмотрите, и это называется шляпы!... Лида, ты темная шатенка, тебе пойдут маки и красные ленты на шляпе, - сказала Ксения, - а тебе Шура, маргаритки и розовые ленты, мне же васильки и голубые ленты, к моим глазам, - пояснила она.

Магазин, чтобы не выпускать выгодных покупательниц, соглашался на все, хотя ничего подобного в моде не существовало. Цветы надо было заказать в специальном магазине. Все лето я хранила это шляпу в специальной коробке. И вот, наконец, я ее одела.

Мы шли с папой по Крещатику. Я заметила что все встречные с удивлением смотрят на меня, проходящие мимо даже оборачиваются. "Вот я красивая в этой шляпе, - думала я, самодовольно, - все на меня смотрят".

Горничная в черном платье, белом переднике и с наколкой на волосах, открыв нам дверь в доме дяди Валеры, как-то очень быстро исчезла, чтобы доложить о нашем приезде. За дверью послышались торопливые шаги и тетя Нюня, приветливо улыбаясь и протягивая нам руки, на встречу, вошла в переднюю. Вдруг руки ее опустились, улыбка заменилась выражением изумления, и она в испуге отступила назад.

- Лида, что это у тебя на голове? И это вы так парадировали по городу? - давась от смеха, наконец выговорила она.

Потом сорвала с меня шляпку и целуя, укоризненно погрозила пальчиком папе. Впрочем, она его очень любила. Да и кто мог его не любить, а сидя в Ромейках, он также мало, как и я, знал о моде.

Свою красивую шляпу я никогда больше не увидела.

[Глава 3](#)